Александр А. Сальников

Ветлуга поёт о вечном

Том 6

Александр Сальников

Ветлуга поёт о вечном (Том 6)

https://litres.ru/74884442
SelfPub; 2026

Аннотация

В шестом томе поэмы "Ветлуга поёт о вечном" публикуется шестая из восьми частей поэмы. Поэма рассказывает об истории Великого Поветлужья и распространении христианства на средневековой Руси.

Александр Сальников
Ветлуга поёт о вечном (Том 6)

Часть шестая

Новые испытания

«Если враг придет как река,
дуновение Господа прогонит его».
(Исаия 59:19)

1. Родные пенаты

В Соколово монахи два дня провели.
Жили в доме у Фёдора. Дом тот стоял
Посредине деревни, был ладен, высок,
Крепко срублен, на годы, да только вот – пуст.
Всё добро по друзьям своим Фёдор раздал,
Как в поход уходил, и просил их смотреть,
Чтобы дом был в порядке, и печку топить,
И дрова заготавливать к долгой зиме.
Ну а большего дом и не требовал, он

Лишь хозяина ждал, без него дом был нем.
Но исправно следили за домом друзья.
Дом стоял, словно Фёдор вчера лишь ушёл.
А вернулся хозяин, и голос обрёл
Старый дом, зазвучала в сосновых стенах
Долгожданная речь. Много было гостей.
И друзья, и соседи пришли посмотреть,
На Шарьинца: ушёл только с соколом он,
Лишь в рубашке одной. А вернулся назад
Весь в доспехах, с мечами, и сам – богатырь!
И купчиха пришла, и увидела вдруг
Трёх монахов, смутилась, но всё же, её
Любопытство взяло, и спросила она
Где ж их прежний охранник. И Фёдор тогда
Перед всеми гостями поведал рассказ,
Как погиб Тихомир, и о том он сказал,
Как купчиха по всем деревням разнесла
Клевету о монахах. Народ зашумел.
– Так и здесь говорила об этом она!
– В шею гнать её! В шею! – Купчиха ушла,
Чтобы большей беды на себя не навлечь.
Но отходчив весь русский народ, и о ней
Очень скоро забыли. Беседы пошли
И о станах (о них уже слышали здесь),
И о тех чудесах, что творились порой.
– А то правда, что будто слепой-то прозрел?

– Это правда…
– А правда, что будто у вас
Крест летал над Ветлугой, и будто бы он
Некрещёных, увидит кого, всех топил?
– Это брешут, – с улыбкою Фёдор сказал.
– А на Шанзу-то, здесь говорили, напал
В прошлом годе-то будто бы с войском своим
Чёрт рогатый. А ты, мол, его и убил…
– Это брешут, – с улыбкою Фёдор сказал. –
То не чёрт, а ушкуйник. И вовсе его
Не убил я. Он в лес от меня убежал.
– Ну а мор-то на Шанзе… мы думали, то
Чёрт его и наслал.
– Нет там мора уже, –
Отвечал брат Варнава. Тут он рассказал,
Как пришла Богородица город спасти.
Гости слушали молча, и каждый потом
Двоеперстием крест на себя наложил.
– Слава Богу, – шептали, – до нас не дошло… –
Много славных рассказов своим землякам
В этот вечер поведал Шарьинец. И все,
Рты разинув, внимали рассказам его.
– Говоришь вот, женился… а что же сюда
Ты жену не привёз. Пусть бы с Петькой твоим
Жили здесь, дом пустует. Мы б им помогли…
– Привезу, будет время. Пока что ей там,

Рядом с матерью, лучше. И в стане нужней
Помощь Петьки. А мне – долгий путь предстоит… –
Тут поднялся Мишуха. Он с Фёдором был
Одногодок. Сказал он за дружным столом:
– Друг мой, Фёдор! Возьми ты с собой и меня!
Я хочу, как и ты, меч держать, защищать… –
Не успел досказать он, одёрнул отец:
– Ну-ка, цыц, мелкий прыщ! Я тебе защищу!.. –
Тут поднялся другой из друзей, Николай,
По прозванью Чеснок. Тоже стал он просить:
– Фёдор, буду тебе я в дороге слугой,
Буду чистить твой щит, ты, прошу лишь, возьми
В путь-дорогу меня. Я хочу, как и ты,
Стать воителем, стражником русской земли! –
И поднялись ещё трое дюжих парней,
Что по играм ребяческим были ещё
В дружбе с Фёдором. Встали за ними потом
И другие; и стали проситься они:
– И меня… и меня… и меня ты возьми…
Соберём мы дружину, ты станешь у нас
Воеводой… возьми нас, Шарьинец, с собой… –
Тут Матвей сын Макара, что мог и быка
Кулаком завалить, а теперь уже стар,
И Матвей уже стар: в седине борода,
Силой раньше он мог уступить одному
Лишь Ивану Вершине; дома их стоят

По соседству, – Матвей тут поднял свой кулак,
Да как грохнет о стол. Треснул стол под рукой.
Заплясала посуда, и бражка на стол
Опрокинулась. Все прикусили язык.
– Цыц, щенки!? Рать решили свою собирать?
Я вот вам покажу, где вам мать, а где… рать!
Бабы, что ли за вас будут землю пахать?!
Мы Иваном Вершиной гордимся, и он
Мог на плечи коня завалить и нести!
Кто из вас хоть бы хряка не плечи поднял?
Был Вершина поистине богатырём,
Но он землю пахал! Славным пахарем был.
Не искал славы в битвах, в поганой войне,
А сама его слава искала – в труде!
Все хотят богатырскую славу нести,
А в полях спину гнуть – никого не найдёшь!
Хватит богатырей на великой Руси,
Только хватит ли хлеба, чтоб их накормить,
Если каждый захочет держаться за меч,
И забросит свой плуг? Не по воле своей
Фёдор взялся за меч: был от старца наказ!
А как выполнит Фёдор наказ, так назад
Возвратиться, и будет он землю пахать.
Потому и женился, и сына растит,
Чтобы дом его долго пустым не стоял.
Фёдор в батю пошёл. Уж не знаю, коня

Он поднимет ли, нет, но и он – богатырь… –
Все молчали. Как камни, валились слова
На сердца и умы; даже твёрже камней.
Но едва лишь закончил Матвей, тут же встал
Балабол и шутник Ванька Хвост, он сказал:
– Федька, друг, а скажи, сможешь ты, как отец,
Жеребца-то на плечи взвалить и нести? –
– Нет, сегодня уж поздно, – Варнава сказал. –
Пусть ваш друг отдохнёт. Да и всем нам пора. –
На другой день все вышли к полям, запрягли
Лошадей и поставили к краю межи.
Фёдор целых два поля себе отделил.
Мужики разделили отрезы себе.
Дали знак, каждый в твёрдую землю вогнал
Зубья крепкой сохи, свою лошадь погнал,
За собой оставляя отвалы земли.
Ещё солнце на запад совсем не пришло,
Лишь спускалось едва от вершины своей,
Ну а Фёдор уже оба поля вспахал,
Раньше всех одолел. Можно сеять теперь.
Только раз останавливал Фёдор коня,
Чтоб напиться воды, чтобы конь отдохнул.
Конь его вороной весь уж в мыле стоял.
– Ну, здоров же ты, брат! – говорили ему. –
Мы б с тобой за два дня завершили страду.
Хорошо ты нам, Фёдор, с полями помог.

Завтра можно засеять и дело с концом… –
А потом Ванька Хвост подошёл и спросил:
– Ну, устал? Не поднимешь коня-то теперь? –
На него мужики заругались:
– Ты что!
Человек в одиночку два поля вспахал!
Конь весь в мыле стоит! Ну а ты тут ещё
Шутки вздумал шутить! Баламут! Лоботряс! –
Фёдор тут улыбнулся и так говорит:
– Ты, Ванюха, коня моего распряги,
Да всего оботри, да попить ему дай... –
И Ванюха распряг вороного коня,
Взял тряпицу, стёр мыло с него, напоил.
Подошёл Фёдор к Быстрому, холку его
Потрепал, да на круп ему сокола он
Посадил, сам нагнулся, за ноги коня
Обхватил, и на плечи себе завалил;
И поднял, и понёс от широких полей
До деревни; до самого дома донёс.
А за ним восхищённые шли мужики,
Бабы охали: шутка ли – лошадь несёт!
Девки с завистью, молча глядели, они
Сожалели, что Фёдор теперь уж женат.
– Ну, здоров же ты, брат! – говорили ему.
И Матвей сын Макара качал головой:
– Ты отца превзошёл! Тот коня поднимал,

Да так долго не нёс. Что за сила в тебе! –
А потом снова ужинать сели они.
А потом по домам расходились опять.
Фёдор тут подошёл к одному из друзей
По прозванью Кирпич, и спросил у него:
– Санко, я и вчера за тобой наблюдал,
И сегодня смотрю: нет веселья в тебе... –
Ванька Хвост тут подстал и добавил ещё:
– Санко даже пахать отказался: сказал,
Раз, мол, нету теперь в Соколово ему,
Где отец его с матерью прожили жизнь,
Ни надела земли, и ни крыши своей,
Так и поле чужое не станет пахать.
– Как же, нету ни крыши своей, ни земли? –
Фёдор друга спросил. – Помню, дом ваш стоял
Возле пристани, был он вторым. И теперь,
Видел я, как мы шли: он всё там же стоит.
Были вы не из бедных, хватало всего…
– Дом теперь уж не наш. Нет мне дома теперь
В отчем крае моём.
– Как же так? Почему?
– Трудно мне рассказать. Ты ведь знаешь, что я
Долго дома не жил. Только летом всегда
Приезжал погостить, навестить мать, отца
И сестёр, и друзей. Но, как умер отец,
Мать слегла. Прошлым летом, когда приезжал,

Уж была она очень плоха. И ждала
Своей смерти, и очень боялась её,
И хотела, чтоб там её встретил отец.
Я надеюсь, теперь они вместе навек…
А тогда ещё в доме лежала она;
Вот уж ночью, когда мои сёстры ушли
(они с семьями все, и отдельно живут),
Позвала меня мать и сказала о том,
Что с отцом они долго копили, что есть
Четверть пуда изделий у них золотых,
И сказала, где клад тот закопан у них.
И сказала, чтоб клад я оставил себе,
Как единственный сын, а хозяйство и дом,
После смерти, мол, младшая дочь пусть берёт,
Победней, мол, она, и похуже живёт.
А для старшей скопили они серебро.
А потом я уехал, не трогал я клад:
При живых брать наследство нельзя, это грех.
А на днях сёстры мне сообщили, что мать
Умерла, и когда я приехал сюда,
То узнал, что они уж продали и дом,
И хозяйство. Теперь там чужие живут.
Не дождались меня, не оставили мне
Ничего от родного гнезда, ни гвоздя.
И родительский клад мне уже не достать,
Он теперь уж лежит у чужого крыльца.

Так вот с кладом-то дом и продали они,
А ведь клад стоил больше в три раза, чем дом.
Но судиться я с ними не буду. И клад
Пусть земле достаётся. А может, они
Отыскали его, если знали о нём.
Или может, хозяева новые вдруг
Да отыщут его. Вот где радость-то им.
Так что нету теперь у меня и угла
На отцовской земле, чтобы голову мне
Было где приклонить, если снова вернусь.
К сёстрам я не хочу. Я теперь им чужой.
Вот три дня уж живу у Николы Крючка,
Но семья у него, – неудобно стеснять…
Разреши мне пока у тебя ночевать. –
И Шарьинец на это ответил ему:
– Всё равно дом пустует. Конечно, живи!
Заодно и присмотришь за домом моим
Пока буду в отлучке. А там поглядим… –
Так они и решили. А утром опять
«Самарянку» спустили на волны Шарьи
И к Ветлуге-реке понесла их Шарья.

2. Хитрость ордынской лисы

Далеко от Ветлужских земель, от Руси,
За великою Волгой, могучей рекой,

Где Казанское ханство нашло свой приют,
В резиденции летней, вдали от сует,
Отдыхал старый хан. Из окна своего
Видел он вдалеке дивный город Казань;
И гордился, что он из руин, из земли
До небесных высот этот город поднял.
Укреплял своё войско могучий Махмед;
Часто звали его: хан Улу Мухаммед,
Так как старшим он был среди братьев своих.
Он к походу готовил войска, на Москву.
Сам он был ещё строен, высок и силён,
Каждый день упражнялся на саблях кривых,
Чтобы мышцы в руках его были как сталь,
Не смотря на морщины на старом лице,
И что волос давно в серебре седины
Под чалмой лёгкой ткани далёких земель.
А сама же чалма, даже снега белей,
Но украшена будто бы небо в ночи,
Мириадами звёзд драгоценный камней,
А по центру – алмаз чище первой слезы.
И на хане халат из тяжёлой парчи
Весь расшит ярким золотом и серебром,
По узору рубины на солнце блестят,
Будто брызги кровавые битых врагов.
Под узорной стеной музыканты сидят.
По дворцу льются дивные звуки кругом,

Будто музыка сходит с небес голубых;
И звучанью курая, кубыза и домбр,
Вторят тонкие трубы и гусли. Вокруг
В лёгком танце рабыни по залу кружат,
Словно гурии; каждая тонкий свой стан
Обнажает в надежде, что участь её
До гарема возвысится ханского вдруг.
Там, в гареме спокойнее дни проводить;
А свобода… свобода уже не для них.
В светлый зал тут вошёл Парза, ханский визирь.
Он упал хану в ноги, и с полу сказал:
– О, великий! Опять просит видеть тебя
Тот мариец, их жрец…
– Снова будет просить,
Чтобы войско послал на Ветлугу-реку.
Сколько он здесь гостит?
– Да почти целый год…
– Что ж, настойчив. Но больно уж горд и спесив.
Может, это и к лучшему. Гордость его
Нам покамест нужна... Я велел написать
Договор для марийцев.
– Уже написал. –
И визирь из широких своих рукавов
Белый свиток достал, развернул, прочитал.
Старый хан, молча, выслушал и говорит:
– Хорошо, дай мне свиток. Жреца позови! –

Лишь визирь удалился, вошёл Янгоза.
Он отвесил поклон, но на пол не упал.
Старый хан сделал знак, и рабынь хоровод
Удалился, танцуя. На дивных девиц
Янгоза покосился. Тут музыки звук
Тише стал и спокойней, как будто теперь
Где-то ангелы пели, но слов не понять.
– О, великий! – с поклоном сказал Янгоза –
Вот уж год твоей щедростью здесь я живу.
А на землях Ветлуги владенья свои
Расширяют урусы. Когда Кельдибек… –
Хан лишь пальцем повёл, Янгоза замолчал.
– Князь московский ясак всем трём ханствам платил,
Значит, слаб он теперь. Значит, медлить нельзя.
Слаб и Новгород… – хан, помолчав, продолжал:
– Но и с силою малой на Русь нападать
Тоже было б ошибкой. Мне надо набрать
Больше войск. А тогда… – вновь задумался хан.
Янгоза подождал, что он скажет ещё,
Но молчание длилось. Тогда Янгоза
Размышления хана нарушил, сказав:
– О, великий! Одно только имя твоё
Русских в страх приведёт, даст победу тебе…
– Жрец, искусен в словах ты, – ответил ему
Старый хан. – Только русских я видел в боях.
Нужно год подождать. Сил побольше набрать.

И союзников было б неплохо иметь.
Если будут марийцы в союзе со мной,
И попросят защиты от русских, тогда
Для защиты я выступлю. Есть договор… –
Он подал договор Янгозе, – Ты его
Подпиши, и у нас будет тесный союз.
Жрец из Юра, Касын, тот, что прибыл с тобой,
Тоже подпись пусть ставит. И вот ещё что.
Я к себе трёх ветлужских позвал воевод.
Потому то и ждать тебе долго пришлось.
Против русских союз предложил им. Из них
Два пришли, а вот кокринский, твой, не пришёл,
Болен якобы. Сотника только прислал.
Тот сказал, что такие дела без него
Он не может решить. Ты ему помоги.
Своего воеводу, вернёшься когда,
Против русских склони. Ну а нет, – устрани.
Воевода из Шанзы союзником мне
Быть согласен, но русских не хочет он бить.
Он в Казани пока. Ты его убеди.
Ну а нет, то в обратной дороге с тобой
Пусть он сгинет в лесах. В Шанзе скажешь о том,
Что, мол, русский отряд на него налетел
И жестоко убил. Будет в этом тебе
Помогать воевода из Юра… На Русь
Я походом пойду, но не в этом году…

И пойду я по Волге, и, может, зайду
На Москву. А к Ветлуге пошлю я мурзу.
– А не можешь ли ты дать мне в помощь пока
Хоть отряд небольшой, – говорит Янгоза. –
Все сподручнее будет мне дело вершить.
И сговорчивей будут марийцы тогда,
Видя силу твою, и подмогу твою…
– Два отряда своих я к Ветлуге послал.
Чтобы женщин в гарем мне набрать, и детей
Для отрядов моих и для чёрных работ.
Но один лишь отряд из низовий реки
Возвратился назад. А с верховий отряд
Не пришёл, где-то сгинул он в ваших краях.
Так что есть и за вами должок у меня…
– Это верно Шарьинец сгубил твой отряд.
Он монахов ведёт по течению вниз.
Я пытался и силой его победить,
И огнём. Но его будто боги хранят…
– Что ж, отряд тебе дам. Но за это ты мне
Наберёшь из верховий красавиц в гарем.
Да своих не жалей! Знаю, есть у мари
Девы дивной красы. Вместе с русскими их
Ты ко мне приведи. Вот тогда я пойму,
Сколько выгоден мне ваш марийский союз.
Сам же я подожду, чтобы за год мне собрать
Свои орды в кулак, да чтоб этот кулак

Был в стальной рукавице, где есть и шипы
Для удара, и сталь, чтоб фаланги сберечь.
Не слаба и Москва. И поэтому я
Должен земли вокруг её все разорить.
Говоришь, что марийцы пойдут за тобой?
Против русских восстанут? Ну что ж, хорошо.
Жги селения русских с обеих сторон
Многоводной Ветлуги. И пусть берега
Вновь заселят марийцы. А русских сотри
С берегов приветлужских. Да только, смотри,
Не тревожь их богов! Боги местью страшны.
Ну, ступай! Хоть сейчас на Ветлугу иди. –
Старый хан улыбнулся. В улыбке его
Янгоза распознал хитрость старой лисы.

3. Знак друга

Время птицей летит над Ветлужской землёй;
Гонит соколом стайки потерянных дней.
Время ветры несёт; ветры – время несут,
«Самарянку» качают на лёгких волнах,
Раздувая ей парус; несётся она
Белым лебедем, парус, как крылья, подняв.
Долго, долго Ветлуга петляла, вилась
Меж лесов и полей, меж холмов и низин,
Словно синяя лента в пшеничной косе

Красной девицы, что к жениху повели.
Долго плыли монахи на лодке своей,
Красотою Ветлуги любуясь в пути.
Фёдор часто из лодки коня выводил,
Чтоб ему попастись, чтобы мышцы размять.
То он следовал берегом; то, если вдруг,
Берег круто вилял, или заводь была,
Снова в лодку коня своего заводил
И по волнам спускались всё ниже они.
И почти уж не стало встречаться в пути
У реки деревень. Словно пустынь кругом,
Только девственный лес, только русло реки.
Не спеша «Самарянка» текла по волнам.
Уж три ночи они, выбрав краше пейзаж,
Ночевали у берега возле костра.
И всё чаще хотели монахи то тут,
А то там «Самарянку» причалить совсем,
На красивом холме новый стан возвести.
– Что за диво кругом! – брат Макарий сказал. –
Посмотрите, какой удивительный вид!
Разве это не рай, что построил Господь
Для людей на земле? Почему же вокруг
Никого, ни души? Вот бы в этой глуши
Нам и стан возвести… – Брат же Тихон сказал:
– Я уж думал о том час назад: и тогда
Живописный был вид. Только как же узнать,

Где нам станом стоять, и где зиму прожить?
Нет нам знаменья свыше. – Варнава сказал:
– Не глухие места мы должны выбирать.
Не пустынники мы, не отшельники. Мы
Проповедовать слово Господне должны!
Значит, если не будет нам знаменья, мы
У марийской деревни остаться должны,
Чтобы их наставлять. – Тут услышали все
Вдалеке крики сокола. Фёдор сказал:
– Посмотрите на Финиста! То он кружил
Впереди по-над лесом, теперь кружит он
Возле дальнего берега, где поворот
Совершает река. Нужно плыть нам туда.
– Что ж, ты Финиста можешь понять лучше нас, –
Отвечал ему Тихон. – Он с детства с тобой.
– Может, знаешь и то, что он крикнул тебе? –
В шутку инок Макарий спросил. И в ответ,
Тоже в шутку Шарьинец ему отвечал:
– Как не знать: он кричит, что источник нашёл
С необычной водой. И жильё есть для нас.
– Ну, марийский мы знаем. Нас Петька учил, –
Инок Тихон сказал. – Нам осталось теперь
Соколиный язык подучить. Фёдор нас
В две недели обучит. – Над шуткой они
Посмеялись. Варнава Шарьинцу сказал:
– Если ты, друг, уверен, что сокол тебе

Верный знак подаёт, так вези нас туда.
Всё равно, скоро солнышко сядет, и нам
Надо место себе для ночлега найти. –
Фёдор парус поправил, чтоб ветер легко
Мог нести «Самарянку» по тихим волнам.
Лёгкий парус напрягся, и лодка пошла,
Побежала по зыбкой дороге речной.
За кормой забурлила вода, и потёк
Пенный след, отставая и тая в волнах.

4. Готовый дом

Вскоре к берегу тихому Фёдор подвёл
«Самарянку», где сокол ему указал,
И причалил её у песчаной косы,
В ивняке, где её от реки не видать.
Лёгкий парус спустил и свернул, и убрал.
Смотрят, дуб на высоком стоит берегу,
На дубовом суку сокол Финист сидит
И в когтях держит зайца. Тут Фёдор сказал:
– Вот и ужин для нас. Молодец, Финист, друг!
– Где ж обещанный кров и источник с водой? –
Фёдор только плечами пожал и сказал:
– Если есть добрый ужин, чего ж нам ещё?
Кров мы сами построим, когда не найдём.
– Это верно, брат Фёдор, – Варнава сказал.

Но едва лишь поднялись они на крутой
Берег дивной Ветлуги, где рос крепкий дуб,
И едва только к дубу они подошли,
Как Макарий сказал:
– Посмотрите туда! –
Разом все обернулись, куда указал
Брат Макарий, и видят: у леса стоит
Небольшая изба. А над крышей её,
У конька, малый крест христианский прибит.
Старый тёс, что на крыше покатой, уже
Кое-где по краям мхом зелёным пророс.
– Вот и кров нам! Осталось источник найти. –
На реку обернулся Варнава монах:
– Посмотрите, какой здесь божественный вид!
Может, братья, останемся здесь зимовать?
– В первом стане, Варнава, явился нам крест, –
Инок Тихон напомнил. Макарий подстал:
– Это верный был знак. А над станом вторым
Много дней, путеводной звездою горя,
Появлялась икона святая. Она
Была ясно видна не одним только нам.
Ну а здесь ничего. Только сокол нашёл
Старый дом. Ну, источник найдём мы. И что?
Много нам попадалось ключей по пути,
Много видели изб.
– Только эта с крестом. –

Инок Тихон добавил. – Наверное, здесь
Раньше жили монахи, такие, как мы.
– Что-то, братья, меня здесь прельщает, – сказал
Брать Варнава. – А что? Я никак не пойму. –
Сокол выронил зайца Шарьинцу к ногам,
Сам спустился и сел у него на плече.
Фёдор зайца поднял и монахам сказал:
– Что ж, давайте сначала осмотрим избу,
Заночуем, источник с водою найдём,
А уж там вы решите, как вам поступить. –
Подошли они к дому, двуперстием все
Осенили себя перед дверью, вошли.
Осмотрели избу. Было видно, что в ней
Уж никто не живёт: паутина кругом
Кружевами узорными; пыль на столе
Толстым слоем; и печка упала совсем,
И труба надломилась, годится лишь в слом.
Деревянные плошки лежат на полу,
Среди них есть не целые, те, что хранят
На себе след мышиных зубов, видно в них
Оставались когда-то остатки еды.
В то же время здесь были приметы того,
Что избу навещают: висят на стене
На гвоздях деревянных ромашка, и тмин,
Иван-чай, зверобой, подорожник, тимьян,
И мелиса, и мята, и много других

Трав лекарственных, ягод сухих и грибов,
Что на нитках висят, дабы мышь не взяла.
И по дому витал разных трав аромат.
– Кто-то славно запасся, – Макарий сказал. –
Видно, здесь не зимуют давно, но сюда
Кто-то летом приходит, чтоб трав запасти. –
Дом кругом обошли, посмотрели вокруг,
Но нигде не нашли ни ручья, ни ключа.
– Что ж, сегодня уж поздно. А завтра ещё
Мы посмотрим подальше. Авось да найдём. –
Стали ужин готовить они на костре,
Стали делать уборку в убогой избе.
Шкуру заячью Фёдор повесил сушить,
Растянув на стене. Ну а мясо зверька
Дружно ели, сварив в котелке над огнём.
Солнце село уже. На вечерней заре
Ярко пламя пылало. Макарий сказал:
– Я вот, братья, понять одного не могу.
Ведь в Писании сказано: «если из вас
Согласятся и двое просить на земле
Что угодно, то даст вам Небесный Отец.
А где трое попросят во имя Моё,
Там и Я среди них». Почему же тогда
Мы, и больше собравшись все вместе, никак
Не смогли Селиванову хворь одолеть,
Не смогли Селивану здоровье вернуть,

И продлить ему жизнь, смерть его одолев?
Ведь ещё говорил Иисус, если есть
Веры в вас лишь с горчичное зёрнышко, вы
Словом можете сдвинуть и гору тогда.
Ну а мы не смогли Селивану помочь.
– То загадка для нас, – инок Тихон сказал.
А Варнава вздохнул и потом говорит:
– Всё нам знать не дано. Кабы сам Селиван
Не противился Богу, возможно, тогда
И не умер бы он. Но и вовсе нельзя
Вечно жить на земле. Есть у каждого срок.
Видно, срок у него истекал. И уж тут
Не поможешь ничем. А быть может и то,
Показал нам Господь, что не всякая мысль
Может быть нам под силу. Чтоб гордость свою
Мы умерили. Ты вон, в огне не сгорел, –
Отвечал он Макарию. – Мало ль тебе?
Да и прочих мы видели столько чудес,
Что могли возгордиться. Иисус ведь сказал
О слепце от рожденья: «ни он согрешил,
Ни родители. Но он слепец для того,
Чтобы дело Господнее видели вы».
Вот и нам показал он, что слабо ещё
Укрепляем мы веру молитвой своей. –
Долго братья беседы вели у костра,
Но едва загорелась на небе звезда,

На молитву отправились дружно они
Перед тем, как спокойно ко сну отойти.
Фёдор Быстрому хлеба кусок отломил.
Конь с ладони взял хлеб бархатистой губой,
В благодарность в ответ покачал головой.
– Ты пока у избы, друг мой, Быстрый, пасись! –
Говорил ему Фёдор. – Пусть Финист тебе
Ночью будет охраной. А я отдохну. –
Он костер затушил, посмотрел на реку.
На воде светло-жёлтого месяца серп
Отражался, играя на тёмных волнах.
Потянулся Шарьинец, зевнул и ушёл
Спать в избу. Конь остался пастись на лужке
Возле дома. А сокол взлетел в вышину,
Осмотрел всю округу, спустился и сел
На конёк у креста. Там и ночь он провел.

5. Весть об источнике

Утром Фёдор случайно родник отыскал.
От избы лишь чуть дальше он в лес отошёл,
Видит: тонкий ручей серебристой струёй
Меж кустов и деревьев уходит в леса.
А источник ручья чьей-то мудрой рукой
Был упрятан в шалаш от ветров и невзгод.
Фёдор вымыл лицо и напился воды,

И почувствовал бодрость и силу в себе.
Он монахам сказал, что недаром ему
Финист знак подавал: есть источник в лесу.
– Что ж, и вправду, источник, – Варнава сказал. –
И заботливо кем-то шалаш возведён.
Может, братья, и зиму нам здесь провести?
Только это уж будет решенье моё,
А не свыше. Не видели знаменья мы,
Чтобы станом тут встать. Но решайте, друзья.
– Кабы знать, кто тут жил… – инок Тихон сказал.
Он умылся в ручье и напился воды. –
Хороша же водица здесь, братья! Бодрит!
Холодна, словно лёд, и чиста, как хрусталь. –
И монахи, умывшись водой из ручья,
Стали снова решать, что им делать теперь:
Плыть ли дальше и знаменья Божьего ждать,
Иль по воле своей зиму здесь провести.
И решили, что будет неправильно им
Жить без знаменья здесь:
– Мы отправились в путь,
Как явился на небе нам облик святой. –
Брат Макарий сказал. – Ну а первый наш стан
Божий крест указал, над берёзой восстав.
И воздвигли мы крест, и целил он людей.
– Стан второй указала икона, – сказал
Инок Тихон. – Она же и Шанзу спасла.

– Да, наверно, без знаменья мы не должны
Это дело решать, лишь по воле своей, –
Согласился Варнава. Хотели они
Отойти от ручья, чтобы в лодке поднять
Лёгкий парус, и дальше бежать по реке.
Тут и Финист явился, в когтях он принёс
Длинноухого зайца. Шарьинец сказал:
– Ловок ты, друг мой, Финист. Но мясо мы есть
Рано утром не станем. Зачем, объясни,
Спозаранку косого поймал и убил?
Неужели так голод измучил тебя?
За старанье спасибо, но ешь его сам. –
Финист тихо гортанные звуки издал,
Будто вдруг засмеялся. Крылами махнул,
Пролетел над ручьём, и добычу свою
Бросил в воду. Ручей был так мелок и мал,
Что и зайца всего скрыть не мог, и почти
Туша зайца совсем перекрыла ручей
И омылась водой. Фёдор грозно сказал:
– Финист, друг мой, зачем ты поганишь ручей?! –
Но успел лишь сказать, как увидели все:
Раны зайца от сокола крепких когтей
Вдруг исчезли; он лапами дрыгнул, ещё;
Вздрогнул весь, встрепенулся, поднялся в ручье,
Оглянулся на близко стоящих людей
И, что было в нём силы, пустился бежать

В чащу леса.
– Не чудо ли это, друзья? –
Тут Варнава сказал, закрестившись. И все
Закрестились, признав это знаком для них.
– Ай да Финист! – Шарьинец сказал. – Я теперь
Буду слушать тебя, как родного отца!
– Что ж, друзья, мы не можем отсюда теперь
Уходить, не пробыв тут и зиму ещё,
Не поставив тут стан, не подняв светлый скит…
– И источник нам нужно надёжней укрыть,
Чтобы зверь не нарушил и бурей шалаш
Не снесло. Здесь часовенку мы возведём... –
Так решили монахи остаться в избе
Возле чудо-источника. Стали они
Делать в доме ремонт и пристройку к нему
Возвели, чтоб не тесно им было в нём жить.
И поставили крест на крутом берегу,
Чтобы стан их заметен был издалека.
И часовенку малую за день один
Возвели над источником. Стали потом
Думать, как же теперь им назвать новый стан.
То одно, то другое название им
Приходило на ум. Но к согласию всё
Не могли подойти. И решили тогда,
Что само провиденье, может, потом
Им подскажет, как стан этот нужно назвать.

6. Встреча между троп лесных

Через три дня под вечер Шарьинец спешил
Возвратиться с охоты. К седлу привязал,
К задней луке, он двух куропаток больших.
Вот уж скоро изба. Тут вдруг сокол его
Встрепенулся, поднялся на воздух с плеча,
Полетел меж деревьев. Шарьинец слегка
Лёгкий бег скакуна придержал. Понял он:
Финист что-то почувствовал. Нужно теперь
Быть потише, идти незаметно с конём.
Тихим шагом направил он Быстрого; тот
Словно понял его, и копытом своим
Больше землю не бил, еле слышно ступал.
Вот в дали уж заметил Шарьинец ручей,
А потом и часовенка стала видна
Между елей и сосен. Но что это там?
Он увидел двух женщин. Смотрели они
На часовенку; словно хотели теперь
Подойти к ней, но всё не решались никак.
И как будто чего-то боялись, таясь
За деревьями, тайно оттуда следя.
Фёдор ближе решил подойти на коне,
Но едва он немного приблизился, как
Под копытом коня громко треснул сучок.

Обе женщины вмиг обернулись. Они,
Лишь доспехи увидели воина, вмиг
Припустили бежать, что есть силы в леса.
И поняв, что догонит их конь всё равно,
Разделились, и в разные стороны вдруг
Разбежались. Пытался им Фёдор кричать,
Что не враг он им вовсе, а друг. Только зря.
Всё же ту, что постарше, Шарьинец догнал.
Ну а та, что моложе была и быстрей,
Та в чащобе укрылась. Не стал он её
Там преследовать, чтобы сильней не пугать.
– Что ж ты, мать, убегаешь? Ведь я же кричал,
Что не враг я, а друг. Ты не бойся меня. –
Сокол Финист спустился ему на плечо.
– Может, друг, может, нет. Я не знаю пока. –
Отвечала старуха. Её голова
Была скрыта под чёрным платком, на плечах
Палантин с бахромой тёмно-синий висел.
А под ним телогрейка до самых колен.
Ниже чёрная длинная юбка до пят.
А под юбкой их кожи свиной сапоги.
Взгляд старухи был острый, как будто она
Прямо в душу смотрела. Лицо у неё
Земляную окраску имело, на нём
Губы были почти не видны, только нос.
– То не ваш ли источник? – Шарьинец спросил.

– Нет, не наш. То монаха источник. А мы,
Я и внучка, следить за ним ходим сюда.
– А изба у реки… то не ваша изба?
– Нет, не наша. Мы там сушим травы теперь. –
Фёдор спрыгнул с коня. Поклонился, сказал:
– Станьте гостьями нам. Не обидим мы вас. –
И старухе затем рассказал он о том,
Кто они и откуда пришли, и зачем.
– Я покамест одна к вам пойду, посмотрю. –
Отвечала старуха. – А там поглядим. –
Краем глаза Шарьинец заметил: в лесу,
Вдалеке, из-за волчьего лыка куста,
Внучка бабки за ними украдкой следит.
– Что ж, хоть ты погости, – он старухе сказал.
Так, пошли они вместе к избе у реки.

7. Рождеством освящённый

Лишь увидела женщина: травы в избе
Все, как есть, и не тронуты, так же висят;
Сердцем сразу смягчилась. Монахам она
Поклонилась до пояса. Тихон просил
Сесть за стол и отужинать с ними, чем есть.
– Погодите, – сказала старуха. – Теперь
Вижу я, что сюда вы пришли не со злом.
Кликну внучку. Когда-то давно ей монах

Жизнь вернул. Так она будет рада опять
Видеть рясы монахов. – Старуха пошла
На крылечко и крикнула ланью лесной.
И в ответ ей из леса ответила лань.
Только вышла из чащи не лань, а её
Быстроногая внучка. На ней сарафан
Был расшит красной нитью; а вязаный плат
Покрывал её голову, плечи и стан.
Внучке было лет двадцать. Лицо у неё
Покрывали веснушки: и вздёрнутый нос
Был в веснушках, и щёки, и даже на лбу
Выступали веснушки. И даже глаза
Будто рыжими были, так карий их цвет
Отливал в желтизну. Волос тоже был рыж.
Женщин рядом за стол посадили. На стол
Скромный ужин поставили. Фёдор пока
Куропаток ощипывать стал у печи.
Инок Тихон тогда у старухи спросил:
– Может, ты нам поведаешь, мать, о былом?
Расскажи, как же спас твою внучку монах?
Кто он был и откуда? Когда он здесь был?..
– Он два раза здесь был. Первый раз приходил,
Когда внучке моей было пять только лет.
Здесь, в лесу, за пять вёрст, есть деревня Колы.
Мы оттуда. А раньше деревня была
У Ветлуги, чуть ниже. Теперь там пустырь.

Всю деревню татары сожгли. А в лесу,
Там спокойно, никто там и не видит её.
Много лет уж там мирно деревня стоит.
И к Ветлуге, не часто мы ходим теперь,
Чтоб никто и не знал, что тут люди живут.
И когда воевали марийцы, то нас
Не коснулись. Нам это монах предсказал.
Вот и эта изба от реки не видна.
Раньше жил тут рыбак. А теперь уж никто…
Травы сушим… монах-то, когда приходил,
Говорил нам: «татары деревню сожгут».
Говорил: уходите, мол, лучше в леса,
Там живите. Тогда-то значенья никто
Не придал тем словам. А когда он ушёл,
Через месяц татары деревню сожгли.
Многих в плен позабрали, и мать вон её, –
Тут старуха на внучку кивнула. – А мы
С ней успели укрыться в лесу. Семь семей
Лишь смогли уцелеть от татар-то в тот день.
Да и то все не целые. Кто не успел
Скрыться в лес – всех убили: ребяток грудных,
Стариков. С мужиков сняли кожу с живых,
Кто с оружием дом свой хотел защитить.
Там и сын мой погиб, моей внучки отец.
Страх, что было. Вновь жить там никто уж не стал.
Вот тогда-то монаха и вспомнили мы.

Он в деревне-то пробыл один только день,
Но его до сих пор вспоминают у нас.
А потом уж, когда у марийцев-то князь
Был убит, и на русских марийцы пошли,
Так деревню-то нашу война обошла.
А соседей вот, слышали, многих пожгли.
И теперь этот самый источник его,
Многим жизни он спас. Ну а внучке моей
Так и вовсе ещё одну жизнь даровал.
– Как же звали монаха? – Макарий спросил.
– Так же, как, вон, его, – показала она
На монаха Варнаву. – Тут Тихон сказал:
– Расскажи про источник. Как внучке твоей
Спас он жизнь? Как Варнава причастен к тому?
– Это было… постой… позапрошлой весной.
Здесь рыбак уж не жил, он уж умер. А дом
Пустовал. Я в нём травы и стала сушить.
Я знахарка. Травой я врачую людей.
Знаю я заговоры; молитвой могу
Отмолить семь болезней; и зубы могу

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.